

Эйфория ещё не улеглась, как что-то твёрдое упёрлось ему в затылок. Кровь в жилах похолодела: он понял, что это дуло, и пожалел, что не подобрал оружие раньше.

Солдат с винтовкой был моложе его и дрожал ещё сильнее. Парнишка, наверное, и читать-то толком не умел, выдавливал из себя португальские слова по слогам: «Ты... ты не двигайся... я... я выстрелю».

Чжэн Кэ уловил суть. Он тоже напрягся, поднял руки, делая вид, что сдаётся. В этот миг его мозг заработал на пределе, глаза искали что-нибудь, что можно использовать как оружие. Солдатик-недоросток, похоже, никогда не убивал — боялся нажать на спуск, орал, созывая товарищей, и одновременно угрожал ему.

Чжэн Кэ боялся, что тот накличет подмогу, и попытался заговорить: «Сколько тебе лет? Ты же ещё несовершеннолетний. Опусть винтовку, я знаю, ты не убьёшь. Ты не для этого. Ты же хороший парень».

Тот и слушать не желал: «Заткнись!»

«Эй, слушай, — Чжэн Кэ решился, повернулся к нему лицом. Он поставил на то, что этот мальчишка не сможет выстрелить. — Я знаю, тебе страшно. Я понимаю. Но поверь: убийство только усилит страх. Ты будешь бояться всегда. Станешь палачом. Вот это по-настоящему страшно».

Он разглядел лицо ребёнка: мальчик, худой, как жердь, ростом ему по подбородок, а винтовка казалась массивнее его самого. Тот с трудом удерживал оружие, почти обхватив ствол обеими руками, — видно, от тяжести уже заныли руки.

Чжэн Кэ мысленно вздохнул: «До чего же мир сошёл с ума». Он положил ладонь на ствол и медленно опустил его. Позже, вспоминая этот момент, он сам себе удивлялся: будь у парнишки чуть менее твёрдая рука или случись осечка — и его кисти не стало бы.

«Уходи, — сказал он ему. — И никогда не возвращайся. И больше не попадайся».

Мальчик выпустил винтовку, лицо его обмякло. Он развернулся и бросился бежать в лес.

Чжэн Кэ поднял его оружие — магазин был полон. Он уже собрался уходить, как сзади окликнули его по имени.

Син Чжифэй с несколькими старыми шахтёрами только что разделались с солдатами: «Тыльную часть мы очистили. Там чисто».

Чжэн Кэ всё искал глазами Се Цюци: «А Цюци? Вы его не видели?»

Дым немного рассеялся. На горизонте треснула узкая полоска перламутровой белизны — скоро взойдёт солнце. Война должна была закончиться до рассвета.

Се Цюци оставалось покончить с последним. Руки были так залиты кровью, что винтовка выскальзывала из пальцев. Он швырнул её прочь и поманил солдата: «Времени в обрез. Давай быстро».

У того был только нож. Он бросился вперёд, занося клинок. Скорости не хватило. Се Цюци уклонился, перехватил запястье, дёрнул и провернул — кость хрустнула, выходя из сустава. Солдат даже вскрикнуть не успел, как Се Цюци обхватил его голову и резко дёрнул. Шея

сломалась с отчётливым хрустом. Падая, тот остался с открытым ртом, а на щеке отпечатался кровавый след ладони Се Цюци.

Се Цюци холодно отпихнул тело ногой, будто это была грязная тряпка. Подняв голову, он увидел, что к нему уже подбираются Чжэн Кэ, Син Чжифэй и остальные.

«Интересно, как там у Олы», — Се Цюци взглянул в сторону бункера.

Они так увлеклись резнёй, взрывами и перестрелкой, что совсем позабыли про бункер. Теперь, когда на руднике воцарилась тишина, оттуда донеслись приглушённые выстрелы и крики. Судя по шуму, там тоже шла жаркая схватка.

Син Чжифэй подвёл итоги: шестнадцать убитых солдат, пять шахтёров. Вместе с Се Цюци и Чжэн Кэ оставалось меньше десятка человек. Они собрали всё пригодное оружие и, оборванные, двинулись к бункеру.

Ола действовала слаженно и как раз заканчивала зачистку. Солдат в бункере оставалось немного, так что задача для её людей была несложной. Женщина, что готовила еду, застыла мёртвой у очага, где ещё кипела вода. Все тела вынесли во двор, и победный клич прокатился по лесу.

Ола лично явилась на место и осталась довольна результатом. Она пожала руку Се Цюци: «Благодарю вас».

Се Цюци ответил: «Наша часть работы выполнена. Надеюсь, вы сдержите своё слово».

Ола была в прекрасном настроении: «Не сомневайтесь. Я, Ола Мваку, не из тех, кто бросает слова на ветер».

«Теперь нужно оставить здесь засаду и добить Овчарку, когда он вернётся. Лучше взять живым — будет лишней козырь против Командира».

«Если понадобится помощь, мои люди к вашим услугам».

Син Чжифэй ликовал больше всех. Он захлопал в ладоши: «Надо отпраздновать! Пойду поищу на кухне, чем поживиться!»

Он обшарил кухню и вынес всю найденную еду, раздав шахтёрам. Чжэн Кэ сжимал в руке печёную картофелину, и всё ещё не верил в реальность происходящего — победа пришла слишком внезапно.

Ола с подчинёнными пересчитывали оружие. В бункере нашлось немало нового снаряжения — патроны, винтовки, холодное оружие.

В этот момент зазвонил телефон. Звонил брат Олы:

«Сестра! Полиция внезапно окружила фабрику! Весь товар конфисковали! Придумай что-нибудь! Многих мастеров арестовали!»

Лицо Олы потемнело.

Се Цюци почувствовал недоброе: «Что случилось?»

Взгляд Олы был ледяным: «Мы попали в ловушку».

***

Кровавый туман рассеялся, вернув миру первозданную ясность.

Ола словно получила звонкую пощёчину. На миг в её глазах мелькнула растерянность, но почти сразу она вновь овладела собой.

«Кто-то предал?» — спросил Се Цюци.

Ола покачала головой: «С самого начала это была ловушка. Этот хитрющий мужчина всегда так действует. Он подозрителен и знает, что я давно недовольна своим положением. Как он мог доверить незнакомцу уговорить меня? Как только ветер подул не в ту сторону, он сразу же сдал мою фабрику полиции. Местоположение знал только он. Больше некому было сообщить».

Только что она потеряла драгоценностей на миллионы. Её лицо исказила ярость: «Мало того, что он довёл меня и мою семью до такого состояния, так ещё и последнее отнимает. Думает, этим заставит меня сдаться? Что я, испугавшись, вернусь к нему, как послушная собачка? Пусть себе мечтает!»

Она махнула рукой людям, чтобы те садились в машины, — назад, в молочную лавку. Се Цюци собрал оставшихся шахтёров и, не оглядываясь, покинул это проклятое место.

Радость победы была отравлена известием о разгроме фабрики. Обратная дорога прошла в тяжёлом, гнетущем молчании.

Ола не переставала звонить, отдавая брату распоряжения об эвакуации оставшихся рабочих. Она готовилась к долгой войне, поэтому молочная фабрика была не единственным её убежищем — были и другие места, неизвестные Командиру.

«Пока дети в безопасности, у меня есть опора», — твёрдо заявила она.

Се Цюци спросил: «Бегством делу не поможешь. Он хочет, чтобы ты с ним поговорила».

«Он сам меня найдёт. Не торопись», — она гордо вскинула подбородок.

Чжэн Кэ отозвал Се Цюци в сторону и понизил голос: «Пусть они сами разбираются в своих отношениях. Что будем делать мы?»

«Дело вряд ли кончится миром, — нахмурился Се Цюци. — Пока остаётся только держаться за Олу. Командир знает, что мы с ней объединились против него. В его глазах мы уже мертвецы. По крайней мере, Ола пока не станет нам вредить».

Именно этого Чжэн Кэ и боялся: «А ты уверен, что эта женщина не предаст? Вдруг она сдаст нас всех Командиру в жертву, чтобы вернуть свою фабрику? И ты после этого готов с ней оставаться?»

«Если не с ней, то мы трупы. Другого выбора сейчас нет», — ответил Се Цюци.

Чжэн Кэ нервно поёрзал. Он по-детски надеялся, что после восстания они сразу отправятся в Намибию, а оттуда — в Штаты. Не ожидал, что Командир подстроил ловушку по принципу «мантис ловит цикаду, а за ними следит иволга». Ему казалось, он уже хлебнул горя сполна, но он ещё не привык, что каждый выбор ведёт в тупик. Для Се Цюци же подобные ситуации были обыденностью.

<http://bllate.org/book/15957/1426840>